

На Рижском заливе

*Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.*

Н. Гумилев

Погода сегодня хорошая —
Я Швецию вижу вдали.
Для моря Двина, как прихожая —
Толпятся ее корабли.
Срывается ветер неверный,
Баркас или сейнер, бог весть,
Уходит — и килем консервным
Вскрывает балтийскую жуть.

Глаза капитана угрюмо
Уткнулись в привычный пейзаж.
Рябые матросы у трюма —
Нехитрый его экипаж.
Запомнив прощание с Илгой
И пахнувший рыбой шалман,
Тоскливо уходит за килькой
На промысел свой капитан.

Он мог бы среди скандинавов,
В кругу сумасшедших мужчин
С отчаянным северным нравом,

На счастье холодных ундин
Разбиться в драккаре о скалы,
Упасть в вулканический ил,
И в сводах небесной Валгаллы
Продолжить все то, что любил.

Но тихо и мирно на судне,
Лишь чайки кричат за кормой.
Он завтра вернется к полудню
Со скучной рыбалки домой.
Тоска с капитаном. Ну, что ты?
Вглядишься в эту синюю даль.
Там плавают рижские шпроты
И им неизвестна печаль.

* * *

*Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.*

Б. Пастернак

Между стволов холодных сосен
Гусиный тянется косяк,
И разворачивает осень
Вдоль горизонта алый стяг.

Над всем безжизненно-пространно
Она господствовать вольна.
Но есть и польза, как ни странно,
Сомнамбулического сна.

Когда потянешься спросонья
И смоешь сон с припухших глаз,
Тогда поймешь, что межсезонье
Лишь подготавливает нас.

И вот растет на листьях иней.
Зима, привычным ей трудом,
Окно заснеженное синим
Законопачивает льдом.

И звезды в небе, как посланцы
От мира собственных систем,
Летя в космическом пространстве,
Устремлены на Вифлеем.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

Я ехал по делам и видел сквозь стекло
Шоссе, развязки, шумные заторы.
Паршив пейзаж был, но его спасало то,
Что он врезался в Воробьевы горы.
Как первый звук, который рушит тишину,
Как свет внезапный, непривычный глазу,
Собою разом заполняет темноту,
Из ничего возникло все и сразу:
Река текла, одноименная всему,
Что обнял взгляд, наброшенный на город.
И ветер выл, что видно было по тому,
Как он раскачивал электропровод.
Внизу в воде, как пазлы, плыли Лужники.
Вплеталось солнце в липовые кроны
И листья отрывались, будто должники,
Взлетая вверх, как рыжие вороны.
Хотелось выйти здесь и бросить все дела,
Но ведь желание для действия не повод.
Я ехал дальше, и по-прежнему текла
Река, и ветер развивал электропровод.

ЧЕХОВЩИНА

Голова гудит от гама,
Под ногами галька жжет.
Ялта, красная от срама
Никого не бережет.

Обгоревшие затылки,
Ожиревшие тела...
На курорте, точно в ссылке
За московские дела.

Где тут спрячешься от гвалта
Отдыхающей толпы?
Адюльтеровская Ялта
Вся во власти наготы.

В этой крымской преисподней —
Не вздохнуть, не продохнуть.
Там, в Москве, куда свободней
Дышит раненая грудь.

В темно-русой эспаньолке
Белых ниток седина —
Человек без селезенки
Поднял камушек со дна.

Жизнь дана не по размеру
Всеобъемлющей души.
Там в Москве, сыграв премьеру,
МХАТ считает барыши.

На фуршете за здоровье
Пьют игристое вино.
Но здоровье не коровье,
Если вовсе нет его.

Все же нос не стоит вешать —
Не удержится пенсне.
Горький осенью утешит,
Бунин будет по весне!

Здесь — ручной журавль курлычет
Мягкой песней горловой.
Там — холодный дождик хнычет
Над покинутой Москвой.

Городу

Брожу среди твоих каналов,
Вокруг шемакинских скульптур.
Ты смотришь на меня устало —
Не холоден, не груб, не хмур,
Но по-музейному серьезен.
Пусть этот город не по мне,
Я принимаю эту осень
И забываю о весне.